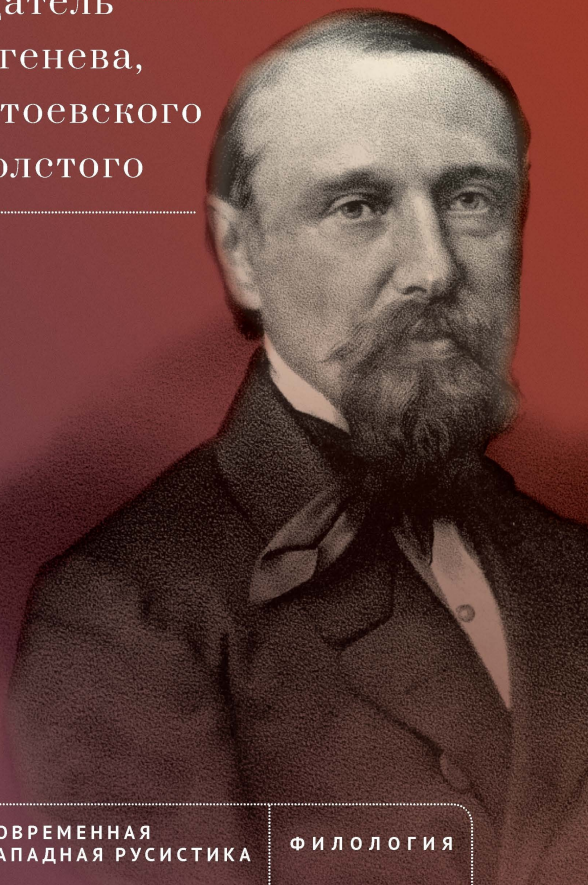

С ю з а н Ф у с с о

Катков

Издатель
Тургенева,
Достоевского
и Толстого

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА

ФИЛОЛОГИЯ

Сюзан Фуссо
Катков. Издатель Тургенева,
Достоевского и Толстого
Серия «Современная
западная русистика /
Contemporary Western Rusistika»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74530911
Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого:
ISBN 978-5-907532-96-0

Аннотация

«Отцы и дети», «Война и мир», «Анна Каренина», «Преступление и наказание», «Братья Кармазовы» – все эти произведения были впервые опубликованы в журнале «Русский вестник» Михаилом Катковым, его основателем и редактором. Ввиду консервативных политических взглядов и агрессивно-вмешательского подхода к редакции, ученое сообщество в России и на западе демонизировало или вовсе игнорировало Каткова, однако в современной России его, заядлого славянофила, почитают «спасителем отечества». В своей книге Сюзан Фуссо рассматривает литературную карьеру Каткова без предвзятости и преувеличений, фокусируясь прежде

всего на том, как его национализм подпитывал стремление сформировать канон русской литературы и сделать этот канон частью литературы мировой.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	6
Введение	11
Ранние годы жизни и деятельности М. Н. Каткова	15
Проект «Русского вестника»	21
Восприятие Каткова: период поздней империи	33
Восприятие Каткова: советский период	39
Восприятие Каткова: постсоветский период	42
Глава 1	56
Любовь и философия	58
«Пятидесятилетний дядюшка»	66
«Юноша» и «Скопец»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сюзан Фуссо
Катков
Издатель Тургенева,
Достоевского и Толстого

Susanne Fusso

Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy

Mikhail Katkov and the Great Russian Novel

Northern Illinois University Press 2017

© Susanne Fusso, text, 2017

© Northern Illinois University Press, 2017

© А. В. Глебовская, перевод с английского, 2023

© Academic Studies Press, 2023

© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2023

Благодарности

Первые идеи и наработки, связанные с этой книгой, пришли ко мне во время стажировки в Центре гуманитарных наук Уэслианского университета в 2008 году. Я хотела бы поблагодарить директора центра Джилл Моравски, а также всех преподавателей и студентов-стипендиатов за остроумные и полезные комментарии и предложения. Джилл смогла создать теплую, необходимую для интеллектуального труда атмосферу, которую я всегда буду помнить и за которую буду очень признательна. На протяжении всей моей работы меня поддерживали и вдохновляли коллеги по Программе изучения России, Восточной Европы и Евразии – Ирина Алешковская, Сергей Бунаев, Присцилла Мейер, Филипп Помпер, Жюстин Кихада, Питер Ратленд, Виктория Смолкин-Ротрок и Даффилд Уайт. Дебра Поццетти оказала неоценимую административную помощь. Ирина, Присцилла и Даффи, а также их супруги Юз Алешковский, Билл Трусдейл и Изабель Гай с момента моего приезда в Уэслиан в 1985 году были моими наставниками, всегда гостеприимными и готовыми морально поддержать.

Сотрудники Уэслианской библиотеки Олина также оказали мне неоценимую помощь. Я хотела бы поблагодарить Кейт Вулф и Лизу Пинетт из отдела межбиблиотечного абоне-мента, а также Пэт Талли, Ребекку МакКаллум и Диа-

ну Келли. Менеджер Стивен Росс из библиотеки Йельского университета любезно помог мне получить доступ к «Русскому вестнику» и другим русским журналам XIX века (которые примерно на середине моей восьмилетней работы над этой книгой чудесным образом стали доступны в Интернете через NathiTrust).

Эрик Найман пригласил меня прочитать лекцию о Каткове на кафедре славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли в октябре 2014 года. Общение с преподавателями и студентами кафедры дало мне вдохновляющий толчок к завершению работы над книгой. Особое спасибо Эрику, Дэвиду Фрику, Любе Голбурт, Ольге Матич и Ирине Паперно за их проницательные комментарии и интеллектуальное гостеприимство. Спасибо также Иэну Дункану и Айше Агиш за их комментарии и теплые слова поддержки.

Кэтрин Ципеля и Лазарь Флейшман опубликовали мое эссе о литературных отношениях Каткова с Достоевским в сборнике, я благодарю их за предоставленную возможность рассказать о своей работе по исследованию жизни Каткова.

Светлана Евдокимова и Владимир Гольштейн пригласили меня в марте 2014 года на свою конференцию «Достоевский за пределами Достоевского» в Брауновском университете, где я смогла пообщаться с выдающимися исследователями Достоевского. Спасибо всем присутствовавшим участникам, особенно Кэрол Аполлонио, Марине Косталевской,

Деборе Мартинсену, Робин Фойер Миллер и Донне Орвин за их поддержку и теплые замечания по тому же поводу.

Также я благодарна Донне Орвин за то, что она связала меня с Людмилой Викторовной Гладковой и Татьяной Георгиевной Никифоровой из Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Они оперативно и щедро отвечали на мои вопросы о написании того или иного слова в черновиках «Анны Карениной».

Выражаю признательность и другим своим коллегам, оказавшим мне различную помощь в написании этой книги: Наде Акшамия, Роберту Конну, Брюсу Мастерсу, Джеймсу Макгуайру и Майклу Дж. Робертсу, а также моему брату Джиму Фуссо и его мужу Ричарду Барри и моим дорогим друзьям Сьюзен Амерт, Ольге Питерс Хэсти, Нэнси Поллак, Ольге Мониной и Александре Семеновой, которые постоянно помогают мне советом и поддержкой. Много лет я училась у Роберта Луиса Джексона, и его видение русской литературы стало для меня настоящей путеводной звездой.

Администрация Уэслианского университета поддерживала меня на каждом шагу, начиная со стипендии в Центре гуманитарных наук в 2008 году. Президент Майкл С. Рот пригласил меня рассказать о своей работе на президентском обеде в 2013 году. Деканы Эндрю Курран, Марк Эйснер и Гэри Шоу, а также проректоры Рут Вайсман и Джойс Джекобсен неоднократно предоставляли средства на проведение исследований. Эта книга не могла бы быть написана без щедрой

политики университета по предоставлению академических отпусков, которая помогает всем нам воплотить в жизнь наши идеалы преподавателя и ученого.

В этой книге развиваются идеи, выросшие из более чем тридцатилетнего опыта преподавания несравненным студентам Уэслиана. У меня была бесценная возможность познакомиться этих блестящих молодых людей с великими произведениями Тургенева, Достоевского и Толстого, а также наблюдать за тем, как они откликаются на эти романы и разбирают их сложную проблематику. Студентов, которые внесли свой вклад в развитие идей и интерпретаций, представленных в этой книге, было слишком много, чтобы упомянуть всех поименно. Я благодарю каждого из них, но особенно тех, кто в дальнейшем внес свой вклад в развитие этой области знаний: Линдси Себаллос, Элизабет Папазян, Эмили Ванг и Матвея Янкелевича.

Книга о Каткове не была бы написана без участия моего мужа, Джозефа М. Сири – и это не клише, а простая истина. Джо – непревзойденный исследователь истории архитектуры, он стал для меня примером того, какой может и должна быть историческая наука. Он полюбил Михаила Каткова с того дня, как я начала его изучать. В те моменты, когда я была готова сдаться, Джо говорил: «Нет Каткова – нет канона!». Он прочитал все главы рукописи во всех их вариантах и давал пронизательные редакторские советы и критические замечания. Эта книга посвящается ему с глубочайшей любо-

вью и благодарностью.

И наконец, я хотела бы поблагодарить команду Academic Studies Press за подготовку и публикацию этой книги на русском: Ольгу Петрову, Ивана Белецкого, Ивана Граве и Романа Рудницкого, а также переводчиков – Веру Полищук и Анастасию Кузнецову.

Введение

От изгоя до героя

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». Романы Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». Этот список выглядит как прекрасный план лекционного курса о русском романе 2-й половины XIX века. Здесь перечислены практически все основные классические произведения, создавшие русской литературе международную репутацию, – те произведения, которые переведены на многие языки и которым русская литература обязана своим местом в литературе мировой. Этот список также совпадает с перечнем названий русских романов, впервые опубликованных в журнале «Русский вестник», основателем и редактором которого был Михаил Никифорович Катков (1818–1887). Однако на Западе людям, не являющимся специалистами по истории русской литературы, имя Каткова неизвестно, а специалисты знают его как человека, за которым закрепился эпитет «реакционный русский издатель», – знают как издателя, доводившего великих русских писателей до отчаяния своим упорным стремлением к нарушению художественной целостности их произведений. Наиболее известен он тем, что отказался печатать од-

ну из центральных глав «Бесов» Достоевского, а также заключительную часть «Анны Карениной». Наше понимание литературной деятельности Каткова и его вклада в литературный процесс серьезно осложняется его активной политической деятельностью. В дополнение к той работе, которую Катков вел на литературном поприще, он был выдающимся политическим деятелем и, будучи редактором ежедневной газеты «Московские ведомости», отстаивал идеи русского национализма и самодержавия, энергично выступая против радикальных и революционных движений. Из-за этого на протяжении семидесяти лет в истории русской литературы советской эпохи он считался *персоной нон грата*. Его роль в литературе постоянно преуменьшалась или представлялась в самом неблагоприятном свете. В западной науке имела место во многом аналогичная ситуация. На протяжении XX века западные литературоведы пытались критически и объективно подходить к идеологически ограниченным произведениям советских ученых, полагаясь, однако, на их огромные архивные, исторические и филологические ресурсы. Каким бы объективным ни был подход, было очень трудно не поддаться влиянию непрекращающегося (и во многом заслуженного) негативного отношения, окружавшего образ такой фигуры, как Катков. Однако список классических романов, с которого мы начали, нельзя сбрасывать со счетов. Как бы то ни было, именно Катков стал тем человеком, который, предоставив место для публикации этих произведе-

ний и выделив соответствующее финансирование, обеспечил возможность появления русской литературы на мировой арене. Идея предлагаемого вниманию читателя исследования зародилась у автора благодаря интересу к положительным сторонам деятельности Каткова. Что в этом человеке позволило ему сыграть столь важную роль в создании великого русского романа?

В западном и – до недавнего времени – в российском литературоведении не уделялось внимания одной из важнейших фигур в развитии классического русского романа второй половины XIX века. Из-за консервативных националистических взглядов Каткова советская наука была вынуждена преуменьшать и демонизировать его роль в творчестве Тургенева, Достоевского и Толстого, а западная наука следовала в русле этого подхода. В настоящей работе предпринимается попытка восполнить этот пробел, подробно и с опорой на конкретный текстовый материал разъяснив, каким образом политико-филологическая программа Каткова, направленная на возвышение русской нации посредством создания литературы мирового уровня на русском языке, сыграла активную роль в формировании концепции и процессе создания крупнейших русских романов. С этой целью было проведено тщательное исследование написанных Катковым текстов, в которых затрагиваются темы, связанные с литературой и имеющими отношение к опубликованным им романам политическими вопросами. Для более четкого понима-

ния контекста расцвета русского романа в книге используются статьи Каткова, практически никому не известные сегодня, но весьма популярные и влиятельные в свое время. Следующие главы посвящены рассмотрению литературной стороны деятельности Каткова и его взаимодействия с некоторыми из крупнейших представителей русской литературы: В. Г. Белинским, Евгенией Тур, И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Главы не имеют единообразной структуры ввиду различного характера взаимоотношений Каткова с этими фигурами. В последней главе описывается финал отношений Каткова с Тургеневым и Достоевским после их встречи на Пушкинском празднике 1880 года в Москве.

Ранние годы жизни и деятельности М. Н. Каткова

Михаил Никифорович Катков родился в 1818 году в Москве, в семье скромного государственного служащего, выслужившего личное (ненаследственное) дворянство; его мать, Варвара Акимовна Каткова (урожденная Тулаева), принадлежала к обедневшей грузинской дворянской семье¹. Его отец умер, когда ему и его младшему брату Мефодию не было и пяти лет. В период с 1823 по 1828 год в «Дамском журнале», редактором которого был один из друзей Катковой, было опубликовано шесть объявлений с просьбой о благотворительной помощи «бездомной вдове с маленькими сиротами», причем за этот короткий промежуток времени адрес для обращения изменялся несколько раз. В конце концов Каткова нашла место кастелянши в Бутырском тюремном замке в Москве, где мальчики и провели свои ранние годы². По воспоминаниям подруги семьи, Т. П. Пассек, в

¹ Отчество матери Каткова иногда приводится в написании «Екимовна». Прекрасным современным источником сведений о ранних годах жизни Каткова является [Санькова 2008]. См. также [Прокопов 2010: 10–15; Перевалова 2010: 17–23]. К основным англоязычным источникам относятся [Katz 1966] и [Theimer Nepomnyashchy 1977]. Обе работы не являются по своей сути биографиями: первая посвящена анализу политического дискурса Каткова, во второй внимание уделяется прежде всего его литературной деятельности. См. также [Mullen 1965].

² Об объявлениях в «Дамском журнале» см. [Калмановский 1995]. Издателем

детстве Катков был необычайно тихим и замкнутым мальчиком, «как будто погруженным внутрь самого себя» [Пассек 1906: 290]. Российская исследовательница Е. В. Первалова выдвинула интересное предположение о том, что характер зрелого Каткова, который часто называют высокомерным, гордым и своенравным, зарождался уже в этом задумчивом, бедном ребенке:

Возможно, причиной такого [высокомерного] поведения Каткова было постоянно испытываемое в молодости чувство зависимости от других, бедность, необходимость самоограничения: ему не раз приходилось наталкиваться на равнодушные люди, чувствовать свое бессилие хоть чем-то помочь своим близким, и все это вызывало в его гордой, честолюбивой натуре несколько раздраженное и озлобленное отношение к жизни [Первалова 2010: 23].

Хотя происхождение Каткова не могло обеспечить ему ни богатства, ни положения в обществе, его интеллектуальные таланты проявились в раннем возрасте, и к 27 годам, после изучения философии в Германии, он получил место адъюнкта на кафедре философии Московского университета. Однако в 1850 году, после революционных событий 1848

журнала был князь П. И. Шаликов, на дочери которого позднее женился Катков. По свидетельству Т. П. Пассек, лично знавшей обстоятельства, в которых рос Катков, Мефодий жил у тети, а не в тюремном замке. Кроме того, согласно Пассек, мать Каткова занимала должность главной надзирательницы, а не кастелянши, как указывается в других источниках; см. [Пассек 1906: 288].

года в Западной Европе, его университетская карьера оборвалась: в результате репрессивных мер в системе образования он лишился должности, поскольку преподавание философии стало прерогативой профессоров богословия. В этих обстоятельствах Катков занялся журналистикой, сначала в качестве редактора «Московских ведомостей» – ежедневной газеты, которая подвергалась строгой цензуре, характерной для периода правления Николая I. В 1856 году он основал «Русский вестник» – журнал, выходивший раз в две недели (позднее ежемесячно) и вскоре ставший одним из главных органов печати, где публиковались материалы по литературной, политической и социальной тематике. Издание играло заметную роль в дискуссиях вокруг отмены крепостного права в 1861 году, которую Катков пропагандировал как часть необходимой модернизации России.

В 1863 году, уже в атмосфере более свободной прессы времен правления Александра II, Катков вновь стал редактором «Московских ведомостей», сохранив при этом контроль над «Русским вестником». Вскоре после того, как он вернулся к редактированию газеты, под влиянием польского восстания 1863 года его ранее довольно либеральная общественная позиция трансформировалась в радикально консервативном направлении, или, по крайней мере, его консервативный национализм приобрел широкую известность в обществе. В своих редакционных статьях Катков настраивал российское общественное мнение против поляков и не

без успеха убеждал правительство принять против них строгие меры. С 1863 года и до своей кончины в 1887 году Катков вкладывал много энергии в свои передовые статьи для «Московских ведомостей». Не занимая государственных постов, он пользовался огромным влиянием в продвижении тех дел, которыми он был страстно увлечен и которые служили прежде всего целям сохранения российского самодержавия и господства русской нации в многонациональной царской империи. Он называл себя «государственным сторожевым псом, охраняющим достояние Хозяина и чующим, если в доме что-нибудь не ладно» [Любимов 1889: 16]. По имеющимся документам трудно составить четкое представление о личности Каткова. Его единомышленники изображают его добрым, благородным, трудолюбивым человеком, преданным высшим идеалам; по свидетельствам других современников, он был по характеру холодным, надменным, властным и политически беспощадным. Однако присущими Каткову чертами, которые подтверждаются не только современными ему описаниями, но и содержанием его собственных сочинений, являются сила интеллекта и напористость в полемике.

Неудивительно, что и в России, и на Западе Каткова помнят прежде всего как политического деятеля: его передовые статьи в «Московских ведомостях», опубликованные его вдовой, занимают двадцать пять томов большого формата (см. [Катков 1897–1898]) и в основном посвящены полити-

ческим, экономическим и социальным вопросам. Но ключ к разгадке того, как глубоко в действительности связаны две на первый взгляд отдельные части жизни и деятельности Каткова – литературная и политическая, – дают факты его биографии и сочинения раннего периода. В этот период Катков проявлял интерес не только к философии, но и к филологии. Одной из первых его публикаций был перевод первого акта «Ромео и Джульетты»; он также переводил Гейне и других немецких поэтов. Его магистерская диссертация «Об элементах и формах славянорусского языка» (1845) является серьезной работой в области сравнительно-исторического языкознания³. Во времена Каткова философия не отделялась от филологии, и так же неразрывны были они в его личных устремлениях. Его глубокий интерес к возникновению русского языка был частью его гегельянской по характеру надежды на способность русского народа достичь всемирно-исторического статуса⁴. Эта надежда отражена в его

³ Первый акт трагедии «Ромео и Юлия» (в переводе Каткова пьеса носила такое название) был опубликован в журнале «Сын отечества» в 1838 году; другие сцены были опубликованы в журнале «Московский наблюдатель» в 1838 году; полная версия вышла в свет в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (1841. Ч. 1, кн. 1. С. 1–54). Магистерская диссертация «Об элементах и формах славянорусского языка. Рассуждение, написанное на степень магистра Кандидатом М. Катковым» (М.: В университетской типографии, 1845) перепечатана в [Катков 2010–2012, 4: 12–160].

⁴ На Каткова также сильно повлияла философская концепция Шеллинга, лекции которого он посещал в Берлине, но российские источники, следуя за утверждениями, содержащимися в письмах Белинского, склонны абсолютизировать

статьях 1830-х – начала 1840-х годов.

отказ Каткова от философии Гегеля. Убедительные аргументы, подтверждающие непреходящее значение для Каткова философской мысли Гегеля, приводятся в диссертациях [Baskor 1966] и [Woodburn 2001]. В частности, С. М. Вудберн пишет: «Важная деталь, которую следует учитывать при обсуждении философских пристрастий Каткова, состоит в том, что он был преданным сторонником взглядов Гегеля, и эта преданность не исчезла без следа, когда он начал учиться у Шеллинга. Хотя две философские традиции имеют некоторые различия, они не являются взаимоисключающими, и Катков не должен был считать их таковыми» [Woodburn 2001: 115].

Проект «Русского вестника»

В 1855 году Катков обратился к министру просвещения с прошением о разрешении начать издание журнала, который впоследствии получил название «Русский вестник». Как отметил У. М. Тодд, именно в это время, после смерти склонного к репрессиям Николая I и восшествия на престол Александра II (см. [Todd 2002: 77])⁵, «цензурные послабления и неведомая прежде терпимость к политическим обзорам в прессе» привели к бурному росту журналистики⁶. Так Катков выбрал себе род занятий, который обеспечивал наиболее прямое и эффективное воздействие на аудиторию, – область деятельности, гораздо более влиятельную и близкую к реальной жизни, чем преподавание в университете (хотя его связи с университетскими профессорами оказались крайне важны для поддержания высокого качества содержания журнала).

В первые годы существования «Русского вестника» в статьях Каткова продолжалось развитие темы формирования нации через язык и литературу. Первой его публикацией в

⁵ У. Тодд всесторонне изучал поэтику и прагматику сериализации русского романа XIX века. См. примечания к главам 4, 5 и 6, где приведены ссылки на другие его работы, посвященные Каткову, Достоевскому и Толстому.

⁶ См.: Тодд У. Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, этика // Новое литературное обозрение. 2002, № 58. URL: <http://dos-toevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/uilyam-todd-dostoevskij-kak-pisatel.htm> (дата обращения: 30.06.2023).

журнале стала пространная статья об А. С. Пушкине, который умер в 1837 году и собрание сочинений которого было издано П. В. Анненковым в 1855 году. Основным посылом статьи Каткова является рассмотрение творчества Пушкина как кульминационного этапа в формировании русского литературного языка. Катков подчеркивает, что (как подробно описано в его диссертации 1845 года) современный русский язык образовался из элементов двух языков разных ветвей славянской семьи – исконного северо-восточного русского диалекта и привнесенного извне церковнославянского языка, имеющего юго-западное происхождение. К указанным основным элементам, по мнению Каткова, позднее добавилось влияние классической грамматики и современной европейской литературы. Эта хаотическая смесь была уже несколько упорядочена до Пушкина, но в нем, как выразился Катков, «наконец успокоился внутренний труд образования языка». Далее он пишет:

Великое дело в жизни народа – установившийся литературный язык. Ничем так не скрепляется народное единство, как образованием литературного языка. Пока еще шло это дело образования, мы в семье исторических народов казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дело это совершилось, русская мысль находит в себе внутреннюю силу для оригинального живого движения и народная физиономия выясняется из тумана [Катков

Хотя во многих работах, посвященных изучению деятельности Каткова, подчеркивается, что идея о превосходстве русской нации развивается в его сочинениях после польского восстания 1863 года, данная статья 1856 года содержит фрагмент, который говорит об обратном. Катков цитирует стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», которое само по себе является вольным переводом «Eхegi monumentum» Горация, где Пушкин утверждает, что его «памятник нерукотворный» – его поэтическое наследие – переживет его, и «по всей Руси великой» «всяк сущий в ней язык» – «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык» – назовет его по имени [Пушкин 1977: 340]. Катков пишет:

Множество разнообразных племен, населяющих наше отечество, должны вполне, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству. Для этих племен русская народность есть единственный путь к человеческому образованию, и они «назовут имя Пушкина» [Катков 2010–2012, 1: 275].

В связи с этим Е. В. Перевалова отмечает:

В этой статье Катков заявил о себе

⁷ Статья Каткова «Пушкин» была впервые опубликована частями в следующих номерах журнала «Русский вестник»: 1856. Т. 1 (январь). С. 155–172; 1856. Т. 1 (февраль). С. 306–323; 1856. Т. 2 (март). С. 282–310.

как представитель идеологии государственного национализма. Национальность в концепции Каткова – государственное понятие, а племенное происхождение, язык, исторически сложившиеся особенности характера, нравов и обычаев, религия не играют в данном случае никакой роли. Одно исторически выдвинувшееся племя закладывает основу государства, объединяет вокруг себя и подчиняет себе другие племена во имя государственного единства. Это племя получает значение государственной нации [Перевалова 2010: 211].

К 1860-м годам в споре с радикалами, связанными с конструирующим журналом «Современник», Катков достиг еще больших полемических высот. В ходе полемики он вернулся к теме языка как легитиматора русских национальных устремлений. В статьях, опубликованных в «Русском вестнике» в 1861 году, Катков сравнивал потенциальное значение русского среди славянских языков со значением верхне-немецкого, важность и доминирующее положение которого гарантировались написанной на нем литературой. По утверждению Каткова, хотя в немецком языке множество диалектов,

...на верхненемецком языке, общем языке Германии, было высказано столько сокровищ знания и мысли, он был поприщем такого богатого развития, он принял столько впечатлений творческой силы, что перед ним умолкли всякие разноречия, и он стал

палладиумом великой народности [Катков 2010–2012, 1: 275]⁸.

Здесь Катков щеголяет своей классической эрудицией. Слово «палладиум», происходящее от названия статуи Афины Паллады, которая, как считалось, защищала Трою, означает такую защиту, которая гарантирует целостность социальных институтов, как в выражении «Билль о правах, палладиум американских гражданских свобод». Катков желает добиться того, чтобы русский язык играл аналогичную роль в славянском мире. По его словам, славянский мир «забыт или подавлен историей», так как «ни одно из племенных начал его не достигло бесспорного могущества». В силу своего «великого государственного могущества» Россия могла бы сыграть эту роль, став, «бесспорно, центром единения» для славянского мира:

Когда же этот русский язык, слагавшийся так долго и так трудно, как бы предназначенный к чему-то великому и всемирному, когда же окажется он в своей литературе достойным этого предназначения? Когда этот тысячелетний ребенок будет признан человеком совершеннолетним, способным к самостоятельной жизни и мысли? <...> Станет ли он действительно орудием зрелой мысли и знания, живым выражением великих интересов гражданственности, окажется ли в нем действительно всемирная, связующая и

⁸ Из статьи «Несколько слов вместо современной летописи». Впервые опубликовано: Русский вестник. 1861. Т. 31 (январь). С. 478–484.

созидающая сила? [Катков 2010–2012, 1: 312–313].

Катков обозначает здесь проблему, указывает задачу и формулирует призыв к действию.

Программа, которую Катков очертил в своих сочинениях 1839–1861 годов и которую, как покажет настоящее исследование, продолжал претворять в жизнь посредством своей редакционной и издательской деятельности в золотой век русского романа, не стерлась у него из памяти, даже когда он обратился к открыто политической деятельности. Ближе к концу своей жизни, в 1880 году, он написал очерк о Пушкине по поводу плана установки памятника поэту. В этом сочинении все так же четко провозглашается программа, очерченная Катковым в молодости, хотя здесь он говорит не о Тургеневе, Достоевском или Толстом, а о Пушкине – авторе, который изначально подал ему идею о том, что русская литература может достичь мирового статуса. Катков описывает жизнь народа как состоящую из тела (государственной власти и вооруженной силы) и души или духа («развитие даров человеческой природы»). Свое право на существование народ доказывает не только государственной властью, но и своим художественным наследием: «Никто не принес столько истинной пользы русской народности, как Пушкин, в то время, когда Бог судил ему жить, и его произведения стоят многих выигранных битв» [Катков 2010–2012, 1: 699–701]⁹.

⁹ Очерк «Заслуга Пушкина» (датированный 5 июня 1880 года), впервые опубликован: Русский вестник. 1899. Т. 261 (июнь). С. 403–409.

В своем исследовании катковской версии русского национализма А. Реннер описывает суть деятельности Каткова, влиятельной и широко признанной в свое время, как «перепределение традиционного имперского единства как единства национального», преодоление неоднородности Российской империи за счет всеохватывающей концепции русской народности. В частности, Реннер отмечает:

В концепции Каткова «единство России» <...> было фундаментальным положением программы построения нации-империи с несколькими сосуществующими народностями, из которых, однако, только одна – русская – могла быть политически решающей. На протяжении веков Россия собирала территории царской империи. Пришло время объединить разрозненные части в одну нацию, как это сделали другие европейские государства [Renner 2003: 659, 670]¹⁰.

¹⁰ См. также [Renner 2000: 196–273]. На это рассуждение Реннера также ссылается О. Майорова, подразумевая, однако, что он преувеличивает значение Каткова: «В те годы Катков был не одинок в этой попытке выделить русский народ как культурно и политически доминирующую группу внутри империи» [Maiorova 2010: 21]. Однако часть аргумента Реннера состоит в том, что благодаря своим публикациям Катков сыграл уникальную и не имеющую аналогов по влиятельности роль в формировании общественного мнения о месте русского этноса в империи. Литература по катковскому национализму обширна и растет, особенно в постсоветской России, и тщательное рассмотрение этой темы выходит за рамки настоящего исследования. Среди недавних работ, помимо исследований Реннера и Майоровой, можно выделить следующие: [Хоскинг 2008; Репников 2014; Санькова 2007]. Дополнительную библиографию см. в [Репников 2014: 223, примеч. 180].

Реннер лишь вкратце упоминает о роли языка и литературы в этом процессе переопределения, но сочинения самого Каткова ясно показывают, что в его понимании данный вопрос был решающим и центральным. За годы до польского восстания Катков изложил свою программу обеспечения господства русского языка и, следовательно, русской нации через великую литературу.

Каким же образом Катков занимался реализацией этой программы на практике? Важным фактором в развитии его отношений с крупнейшими русскими писателями была его способность оказывать финансовую поддержку. Как пояснял Катков уже в 1855 году в своем прошении на имя министра просвещения, его усилиям по повышению качества «Московских ведомостей» препятствовало то обстоятельство, что, поскольку он не являлся владельцем газеты (это был государственный орган, принадлежащий Московскому университету), он не мог способствовать повышению качества публикаций путем увеличения выплат авторам¹¹. По мере развития и усиления позиций «Русского вестника» на протяжении 1860-х годов издание обрело репутацию журна-

¹¹ Прошение на имя министра просвещения А. С. Норова цитируется в [Любимов 1889: 47–52, 61–62]. См. также [Катков как редактор 1897а; Катков как редактор 1897б]. Превосходный обзор пребывания Каткова на посту редактора «Московских ведомостей» в начале 1850-х годов дан в статье [Кременская 2002]. См. также [Перевалова 2010: 30–31]. По сравнению с И. К. Кременской, Е. В. Перевалова в большей степени склоняется к мнению, что, несмотря на наложенные ограничения, Катков за время своего пребывания в должности редактора значительно повысил качество журнала.

ла, в котором авторам гарантированно выплачивались более высокие гонорары, чем в любом из конкурирующих изданий. Об этом свидетельствовали Тургенев, Толстой и Достоевский, обычно оправдываясь в том, что публиковали свои произведения в журнале такого ретрограда. Письма Достоевского от 1865 года ясно показывают, что он полагался на получение от Каткова практически постоянной финансовой поддержки в виде авансов за незавершенную работу¹².

Но Тургенева, Достоевского и Толстого, которые признавали, что внимательно читают «Русский вестник», привлекало в нем нечто большее, чем деньги, которые мог предложить Катков. С самого начала журнал занимался публикацией не только литературных произведений, но и материалов по таким стоящим перед Россией жизненно важным со-

¹² Вопрос о финансировании «Русского вестника» подробно не исследуется ни в одном из источников, известных автору настоящей работы. К концу 1850-х годов журнал имел большое число подписчиков, а соратник Каткова по журналу П. М. Леонтьев, по общему мнению, был рачительным финансовым управляющим. В некоторых источниках муссируются слухи о том, что Катков получал субсидии от правительства или от богатых железнодорожных магнатов и торговцев, однако, по имеющимся сведениям, эти слухи не имеют документального подтверждения. В недавней статье М. Артемьева утверждается, что Катков получил субсидии от железнодорожных подрядчиков и других «московских финансовых шишек» на создание Лицея в память цесаревича Николая, в котором он реализовал на практике свою теорию о преимуществах классического образования, но Артемьев отвергает идею о том, что Катков получал прямые субсидии от государства для поддержки журнальных публикаций. Автор статьи не ссылается на какие-либо документы, подтверждающие сделанные им заявления [Артемьев 2014]. Катков публично отрицал получение субсидий на публикации в своем журнале.

циальными проблемам, как модернизация, индустриализация, экономическое развитие, реформа судов и правительства. Безусловно, нечто подобное делали все так называемые «толстые» журналы, но, как свидетельствуют письма Тургенева и Толстого, внимание серьезных читателей России привлекал прежде всего «Русский вестник»¹³.

В 1869 году Достоевский писал:

Это решительно лучший и твердо сознающий свое направление журнал <...> Все первые вещи явились у них: «Война и мир», «Отцы и дети» и т. д. <...> Но, главное, наверное появится в каждый год, о чем знает каждый подписчик, три-четыре статьи, самых дельных, самых метких, самых характерных и надобных в настоящее время, и самых новых, и, главное, непременно только у них и ни в одном другом журнале, – об чем знает публика [Достоевский 1972–1990, 29, I: 23–24].

С 1856 по 1862 год, в период, непосредственно предшествовавший великому расцвету русского романа, журнал Каткова в полной мере отражал его сильную личность и

¹³ Весьма содержательное обсуждение феномена «толстого журнала» в России второй половины XIX века, особенно вопроса о его читательской аудитории, представлено в [Рейтблат 1991: 32–47]. Но, возможно, вследствие пережитков советских времен, автор исследования ни разу не упоминает Каткова. Все приводимые в работе примеры редакционно-издательской практики взяты из радикальной прессы. См. также обсуждение литературных гонораров [Рейтблат 1991: 78–96], где Катков снова не упоминается. Дополнительные сведения о журналистике в этот период см. в [Martinsen 1997].

устремления в отношении русской нации. Многие из этих устремлений Катков выражал в работах на политические темы, однако на страницах журнала читатель находит и его литературную программу. Уже в 1856 году в статье о Пушкине, критикуя пушкинские эксперименты в прозе, Катков, очевидно, призывает к созданию большого романа со сложным переплетением психологических, политических и философских мотивов, – того романа, который должен был стать доминирующей формой русской литературы. О лаконичной, лапидарной прозе Пушкина он пишет:

В [«Капитанской дочке»] нельзя не заметить той же самой сухости, которою страдают все прозаические опыты Пушкина. Изображения либо слишком мелки, либо слишком суммарны, слишком общи. И здесь также мы не замечаем тех сильных очертаний, которые дают вам живого человека или изображают многосложную связь явлений жизни и быта.

Не одно природное свойство дарования Пушкина было виною указанного недостатка в его произведениях; виною тому, конечно, было также и недостаточное развитие умственных и нравственных интересов в общественном сознании, которого органом был Пушкин [Катков 2010–2012, 1: 289].

Более совершенное, «сформированное» общество, которое взращивалось «Русским вестником», должно было, по мнению Каткова, дать толчок к появлению более совершенных произведений прозы – и именно на прозе, а не на по-

эзии, Катков сосредоточил свое внимание в последующие годы (хотя в «Русском вестнике» также было опубликовано множество прекрасных стихов таких авторов, как А. А. Фет, К. К. Павлова и А. К. Толстой).

Восприятие Каткова: период поздней империи

Для более четкого понимания восприятия Каткова в наше время полезно проанализировать, как его наследие воспринималось в годы сразу после его смерти. За свою долгую карьеру Катков приобрел много друзей и врагов, и взгляды обоих лагерей ярко отображены в посвященных ему произведениях, созданных в последние десятилетия существования Российской империи. Значительно труднее найти исследования, содержащие беспристрастную и объективную оценку деятельности человека, вокруг которого кипели столь бурные страсти. Многие из опубликованных книг и воспоминаний содержат множество полезных подробностей (даже притом, что некоторые из них следует воспринимать с осторожностью, а многие противоречат друг другу), но в них уделяется гораздо больше внимания политической деятельности Каткова, чем его роли в содействии созданию великого русского романа. В агиографическом плане наиболее важной публикацией является книга ближайшего соратника Каткова Н. А. Любимова [Любимов 1889], который осуществлял повседневное руководство редакцией «Русского вестника» после того, как в 1863 году Катков стал редактором «Московских ведомостей». Как отмечает в своей новаторской статье 1977 года о литературной деятельности Кат-

кова К. Таймер-Непомнящий, «Любимов включает в свою публикацию ряд полезных документов, текст которых приводит полностью, чем оказывает неоценимую помощь в отслеживании событий, приведших к основанию “Русского вестника”» [Theimer Nepomnyashchy 1977: 71, note 6]. Любимов фактически доводит свое повествование лишь до 1866 года и практически ничего не говорит о литературном творчестве Каткова, возможно, не желая привлекать внимание к тому факту (очевидному из писем), что, когда речь шла об отношениях «Русского вестника» с такими крупными писателями, как Достоевский и Толстой, Катков не позволял Любимову принимать никаких важных решений. По замечанию М. Каца, сочинение Любимова, наряду с биографическими очерками князя Н. П. Мещерского и других авторов, опубликованными в «Русском вестнике» в августе 1897 года (№ 250, с. 1–182), «является классической апологией» [Katz 1966: 13]. Приведем здесь типичный пассаж из воспоминаний Мещерского, представленных в виде писем к вдове Каткова и написанных высокопарно-ханжеским слогом: «Господь Бог щедро одарил великого борца за правду, и, верный раб, он широко приумножил дарованные таланты. Он несомненно был идеалом того, что требовалось для исполинской работы, которой он себя самоотверженно посвятил» [Мещерский 1897: 10]¹⁴.

¹⁴ Воспоминания Н. П. Мещерского и других авторов о Каткове перепечатаны в [Катков 2010–2012, 6] и [Лебедева, Платонов 2014].

Большим авторитетом в советский период пользовались мемуары разочарованных бывших соратников Каткова, таких как Б. Н. Чичерин, который писал (с аллюзиями на панегирик Мещерского):

Святое чувство любви к отечеству было низведено им на степень чисто животного инстинкта, в котором исчезало всякое понятие о правде и добре, и оставался один народный эгоизм, презиравший все, кроме себя. <...> Думаю, что история произнесет над Катковым строгий приговор. Ему дан был от Бога талант, и на что он его употребил? [Чичерин 1997: 159, 163].

Исследование, выполненное в 1888 году С. Неведенским (псевдоним С. Г. Щегловитова) [Неведенский 1888], содержит много ценной информации, в основном связанной с политической деятельностью Каткова, однако, как отмечает М. Кац,

<эта работа> в первую очередь легла в основу точки зрения о том, что Катков был «оппортунистом», так называемое «национальное направление» которого нельзя было воспринимать всерьез, а следовало считать свидетельством политической незрелости и поверхностных убеждений публициста. Такая точка зрения, которой [Неведенский] иногда сам противоречит, лишь препятствует осознанию важности идей как определяющих факторов в жизни Каткова

Столь же скептически Кац относится к весьма влиятельной работе Р. И. Сементковского [Сементковский 1892]:

<Он> в форме эссе выражает либеральную позицию, в соответствии с которой Катков был не просто оппортунистом, а одним из худших представителей этого типа деятелей. Основная гипотеза Сементковского состоит в том, что Катков никогда не имел собственной идеи, не говоря уже о направлении, а скорее умело использовал те взгляды, тенденции и программы, которые, по его мнению, имели наилучшие шансы на успех; согласно этой крайней точке зрения, «он почти всегда плясал под чужую дудку» [Katz 1966: 13].

Как и Кац, современные российские ученые убедительно опровергают обвинение в «оппортунистичности», прослеживая преемственность в мышлении Каткова и выявляя принципы, на которые он опирался¹⁶.

Следует отметить, что Сементковский выделяет относительно либеральную позицию Каткова по «еврейскому вопросу» на фоне общей склонности русских консерваторов к антисемитизму как единственную область, в которой он

¹⁵ В [Katz 1966] и [Theimer Nepomnyashchy 1977], а также в других более ранних источниках авторство работы [Неведенский 1888] приписывается С. С. Татищеву, однако согласно современным российским источникам работа была написана С. Г. Щегловитовым.

¹⁶ См., например, обсуждение в [Санькова 2008].

«оставался себе верен с начала своей публицистической деятельности до самой своей смерти». В начале 1860-х годов Катков

...очень решительно высказывался за расширение прав евреев, в особенности за отмену пресловутой черты оседлости, доказывая весь ее вред в экономическом отношении и несостоятельность с точки зрения русских государственных интересов, требующих слияния инородцев с коренным населением, а не искусственного разобщения их. <...> Он нападал на поляков, остзейцев, финляндцев, грузин, армян, но евреев оставлял в покое, и ни во время польского восстания, ни впоследствии не обвинял евреев в поощрении разных смут [Сементковский 1892: 72–73].

Катков осуждал погромы 1881 года, объясняя их революционной агитацией и отрицая наличие у них какой-либо экономической, религиозной и этнической подоплеки.

Двойственные чувства, которые Катков пробуждал даже у части тех людей, которые могли быть его естественными союзниками, пожалуй, лучше всего выражены в кратких, но содержательных воспоминаниях философа В. С. Соловьева, работы которого Катков публиковал в «Русском вестнике» в самом начале своей издательской деятельности. Разрыв их отношений произошел вследствие публичного выступления Соловьева против смертной казни вскоре после убийства в марте 1881 года царя Александра II. Как узнал Соловьев, Катков со слезами на глазах говорил Любимову, что речь

Соловьев оскорбляет народные чувства. По этому поводу Соловьев едко замечает, что «для Каткова предполагаемое мнение народа, то есть личное мнение Каткова о мнении народа, было высшим критерием истины и добра» [Соловьев 1992: 77]. Однако ниже он пишет:

Но в то же время, как я негодовал на Каткова, вдруг всплыл в моей памяти духовный облик этого человека, каким я знал его в лучшие минуты, с его глубоким благочестием, сердечной добротой в личных отношениях и высоким пониманием христианских идей. Я очень сильно почувствовал и желание, и обязанность сделать все от меня зависящее для духовной пользы этого человека, который, очевидно для меня, находился под наваждением злой силы. <...> мое душевное волнение разрешилось длинным письмом к Каткову, с такой главной мыслью: «Вы увлечены политической идеей, она вам кажется чем-то самым важным, но вообразите себя на смертном одре, при переходе в другой мир, неужели и тогда идея крайнего национализма по отношению к инородцам сохранит для вас какую-нибудь важность? А если не сохранит, — то, значит, это есть идея временная, преходящая, недостойная увлекать собою мыслящего человека и христианина...» [Соловьев 1992: 77].

Это письмо Соловьева осталось без ответа, а через год, 20 июля (ст. ст.) 1887 года, Катков скончался.

Восприятие Каткова: советский период

Ввиду своей консервативной политической позиции долгое время Катков оставался для советских исследователей фактически запретной фигурой. Лишь в 1970-е годы вышли в свет две монографии – В. А. Китаева [Китаев 1972] и В. А. Твардовской [Твардовская 1978], – посвященные в основном его политической мысли и деятельности. Эти работы содержат большое количество полезных сведений, которые, однако, дополнены обязательными цитатами из Ленина и такими характеристиками, как «охранительный либерализм Каткова, сомкнувшийся с правительственной реакцией в преследовании революционной демократии» [Китаев 1972: 282] или «жизненный путь Каткова – поучительный образец того, как служение исторически несправедливому и обреченному делу накладывает неизгладимую и необратимую печать оскудения на личность» [Твардовская 1978: 270]. Самой значительной работой, посвященной собственно литературной деятельности Каткова, является статья В. К. Кантора [Кантор 1973], в которой Катков ошибочно рассматривается как приверженец «искусства ради искусства», который «взорвал изнутри это направление, усилил его реакционные стороны и, решительно доведя их до логического конца, перешел в итоге не только к политической, но и к эстетической реак-

ции» [Кантор 1973: 181]. Поскольку Катков никогда не был приверженцем «искусства ради искусства» и с самого начала своей карьеры всегда настаивал на тесной связи искусства с историческим и общественным сознанием, идея, лежащая в основе рассуждений Кантора (о том, что Катков предал свой ранний эстетизм, истолковывая такие произведения, как «Отцы и дети», в политическом контексте), вызывает серьезные сомнения. Но Кантор относится к литературной деятельности Каткова более серьезно, чем, пожалуй, любой другой ученый советской эпохи. Его вывод резок. Говоря о грандиозных похоронах Каткова, по своей пышности превзошедших похороны любого из великих русских писателей, Кантор пишет: «Сами похороны Каткова оказались оскорбительными для памяти лучших представителей русского искусства. А русская культура отплатила Каткову забвением» [Кантор 1973: 212]¹⁷.

¹⁷ В. К. Кантор много писал о Каткове и о русском консерватизме и в постсоветскую эпоху. В 2007 году он опубликовал новую версию своей классической статьи 1973 года, в которой отсутствуют цитаты из Ленина, делается менее мрачный вывод о жизненном пути Каткова и отмечается, что те русские писатели, похороны которых были скромнее его похорон, тем не менее публиковали свои лучшие романы именно в его журнале. Будучи далек от того, чтобы предать Каткова забвению, как он делал это в 1973 году, в 2007 году Кантор указывает на непреходящую значимость его деятельности: «Что же касается позиции Каткова-политика, то она осталась серьезной проблемой для русской мысли, не раз встававшей перед этой неразрешимой дилеммой: революционный радикализм или самодержавный авторитаризм. Проблема эта жива и сегодня, поэтому и нельзя миновать опыт и идеи этого выдающегося русского мыслителя» [Кантор 2007: 91]. См. также [Кантор 2008]. Описание похорон Каткова см. в: Русский вестник.

Однако наиболее сильное и всеобъемлющее впечатление производит не какая-либо отдельно взятая научная работа, а то, каким образом имя Каткова используется в сопроводительном научном аппарате советских изданий Тургенева, Достоевского, Толстого и других писателей. У исследователя, изучающего творчество кого-то из этих писателей и посвятившего некоторое время ознакомлению с примечаниями к полному собранию его сочинений, изданному в советское время, неизбежно формируется в голове образ человека, имя которого не может быть упомянуто без эпитетов «реакционер», «обскурантист» или «мракобес». Согласно исследованию В. В. Виноградова, существительное *мракобесие* появилось в результате перевода названия пьесы Г.-Ф.-И. Декомберусса «L'Ultra, ou la Manie des Ténèbres», написанной в 1818 году [Виноградов 1994]. Однако в сознании человека, незнакомого с этой этимологией, возникает ассоциация со словосочетанием «мрака бес». И этот «бес мрака» постоянно ведет борьбу с «революционными демократами», то есть с радикальными журналистами, особенно с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Д. И. Писаревым. Он не делает для Тургенева, Достоевского и Толстого ничего хорошего; он лишь пытается посягнуть на их творческую свободу, преследуя свои реакционные цели.

Восприятие Каткова: постсоветский период

В советский период ученые вынуждены были считаться с налагавшимися на них идеологическими ограничениями, в соответствии с которыми следовало преуменьшать роль Каткова в литературном процессе. С другой стороны, поскольку к концу своей карьеры Катков стал врагом либеральной интеллигенции, он не имел естественных сторонников и в культурных кругах русской эмиграции. Вследствие этого работа над настоящим проектом, которая была начата в 2008 году, на первых этапах предполагала ознакомление с текстами Каткова в их оригинальных публикациях XIX века. На тот момент не существовало ни собрания сочинений Каткова, ни его современной биографии, ни научных комментариев к его произведениям. Однако в последние годы в России имел место взрывной рост интереса к Каткову: каждый год выходили новые книги, биографические работы и статьи, в основном посвященные его политической деятельности, но в некоторых публикациях внимание уделялось и его роли в литературном процессе. Наиболее важным событием явилась публикация в 2010–2012 годах шеститомного собрания его сочинений [Катков 2010–2012], которое содержит аннотированную подборку его журнальных публикаций, редакционных статей и писем. По сообщению редакторов, в насто-

ящее время готовится к изданию полное собрание сочинений Каткова. Однако при чтении этих недавно вышедших в свет публикаций создается впечатление, что, за некоторыми достойными внимания исключениями, авторы продолжают смотреть на Каткова сквозь пелену идеологии. Человек, которого ученые советской эпохи называли злобным реакционером, пытавшимся сокрушить «революционных демократов», в постсоветскую эпоху становится героем, борцом с «крамолой» и «разрушителями России» – то есть с теми самыми революционными демократами, которых превозносили в советские времена¹⁸. Если в советский период Катков был «мракобесом», то новое отношение к нему можно выразить словосочетанием «спаситель отечества», вынесенным в заголовок одной из посвященных ему статей 2013 года [Попов, Велигонова 2013].

В 2013 году главный редактор шеститомного собрания сочинений Каткова А. Н. Николюкин дал интервью, в котором объяснил, почему в советское время он специализировался на американской, а не на русской литературе: «[Для советского ученого] не столько Толстой важен, сколько статьи Ленина о Толстом. <...> Никто не вмешивался в то, что я писал об американской литературе» [Николюкин 2013]. С наступлением перестройки он получил возможность редактировать и публиковать произведения таких писателей, как В. В. Розанов, Ю. Ф. Самарин и М. Н. Катков. Они принадлежат к

¹⁸ См. [Катков 2010–2012, 1: 7].

выделяемому им направлению, которое он называет «линией хранителей России», исходящей от Карамзина и Пушкина (в противоположность «линии разрушителей России», идущей от декабристов и А. И. Герцена). «Хранить – это не только помнить, но и возвращать России богатейшее наследие, отторгнутое в XX веке», – развивает он свою мысль [Николюкин 2013].

Ярким примером того, как Катков воспринимается в путинскую эпоху, является предисловие к сборнику статей, изданному в 2008 году в честь 190-летия со дня его рождения. В сборнике опубликованы доклады, прочитанные на первых Катковских чтениях, проходивших в московском храме Всех Святых на территории Алексеевского монастыря, где был похоронен Катков. Книга содержит вступительное и заключительное слово протоиерея Артемия Владимирова. Отец Артемий пишет:

Я бы назвал его подлинным воспитателем русской нации, ибо, несколько десятков лет сидя у штурвала «Московских Ведомостей», диктуя свои статьи, он действительно формировал национальное мирозерцание. И, слава Богу, при отсутствии компьютеров и Интернетов, он действительно являлся идеологом нашего государства, не боявшимся произносить правду, за что имел всегда немало неприятностей [Владимиров 2008б: 9].

В своем заключительном слове отец Артемий устанавли-

вает четкую связь между Катковым, Путиным и новой атмосферой православной религиозности. Он вопрошает, что было бы, если бы Катков восстал сегодня из могилы, и дает такой ответ:

Мы, батюшки, наверное, направили бы его сразу к президенту и в ту правительственную комиссию, где формируются стратегия, тактика и идеология нашего общества. Я думаю, что Михаил Никифорович, человек смелый и бескомпромиссный, своим огненным словом сразу бы разогнал всех бумагомазак, писак и продажных газетчиков. Как бесплотный дух, он не боялся бы покушения на свою жизнь и за 5–10 лет многое бы сумел сделать, если бы его поддержали патриотично настроенные политики, военные и представители духовенства [Владимиров 2008а: 121–122].

Катков способствовал бы воспитанию в обществе «осознанной и глубокой религиозности» [Владимиров 2008а: 122–123], а также правильному истолкованию российской истории.

Связь роли Каткова в XIX веке с ситуацией в постсоветской России ярко демонстрируется в телепередаче из цикла «Исторический процесс», вышедшей в эфир 28 марта 2012 года на канале «Россия 1». В программе, озаглавленной «Политическая журналистика: от “варварской интеллигенции” Каткова до “Анатомии протеста” НТВ», ведутся дебаты между двумя телеведущими – либералом Николаем Сванидзе и

сторонником Путина Дмитрием Киселевым, – каждый из которых выступает при поддержке группы из трех экспертов¹⁹. В первой половине программы Сванидзе и Киселев проводят прения (здесь этот термин употреблен в широком смысле) о значении Каткова, особенно о его критике русской интеллигенции в 1870-х годах. Во второй половине обсуждается показанный на канале НТВ 15 марта и 5 октября 2012 года документальный фильм «Анатомия протеста» (реж. Юрий Шалимов), в котором предпринималась попытка доказать, что российское протестное движение 2011–2012 годов финансировалось Западом и действовало в его интересах. В своем вступительном слове Сванидзе отдает должное Каткову за то, что он был первым (что неточно) издателем произведений Тургенева, Толстого и Достоевского. Однако, по мнению Сванидзе, при всем масштабе фигуры и несомненной одаренности Каткова, «его взгляды можно назвать мракобесными и губительными для страны». Сванидзе и другие либеральные участники дискуссии придерживаются линии Сементковского, согласно которому Катков был лукавым оппортунистом, чьи антипольские чувства «переросли в дикую ненависть к русской интеллигенции». Киселев и другие пропутинские участники дискуссии снова возвращаются к литературной деятельности Каткова. В ответ на особо резкую атаку на Каткова со стороны главного редактора «Новой га-

¹⁹ Программа доступна для просмотра в сети Интернет: https://www.youtube.com/watch?v=_hUdnidn_2I (дата обращения: 04.12.2021).

зеты» Дмитрия Муратова журналист правого толка Максим Шевченко заявил:

Именно поэтому этот человек-монстр издает романы Лескова, романы Достоевского, которые полностью опровергают все то, о чем нам сейчас о нем рассказывают. И именно благодаря этому якобы верноподданическому лакею, как нам пытаются его представить, мы вообще поняли, как чувствовали, трагически страдали русские люди XIX века.

Просмотр программы вызывает у человека, пытающегося понять объективное историческое значение деятельности Каткова, чувство дискомфорта и неловкости. Как бы ни было приятно автору работы о Каткове видеть, что наследие публициста до сих пор вызывает в обществе страстные и ожесточенные споры, личные симпатии автора остаются полностью на стороне тех участников дискуссии, которые, выступая против позиции Каткова, пытаются защитить право россиян свободно работать над изменением своего общества к лучшему. В этой связи А. А. Нечаев (министр экономики России в 1992–1993 годах), поддерживавший в обсуждении сторонников либеральной позиции, справедливо отметил:

Вы всерьез считаете, что люди протестуют на деньги Госдепа? <...> Нет, люди выходят на улицу, потому что нарушаются их элементарные права, потому что в стране царит беспредел, потому что МВД у нас превратилось в организацию, не защищающую

общество, а опасную для общества.<...> Люди хотят, чтобы в нашей стране было нормально жить.

Пожалуй, самый мудрый комментарий во всей программе прозвучал из уст продюсера сатирического проекта «Гражданин поэт» Андрея Васильева, который сказал:

Может быть, в те времена какая-то доля резона была у Каткова, ну, такой был уклад <...> но это 150 лет назад <...>. Но то, что люди от власти и люди, близкие к власти, пытаются эти дремучие, жуткие, устаревшие и мохнатые установки применить к сегодняшнему дню, — это действительно очень опасно.

В предположительно современной и демократической России, которую Катков не смог бы признать, «правые» участники дискуссии, причисляющие себя к «русской партии» Каткова и выступающие под знаменами царского самодержавия, выглядят явным анахронизмом, который обескураживает и вызывает чувство горечи. Еще большую горечь вызывает мысль о том, что в нынешних условиях, всего несколько лет спустя, было бы немыслимо, чтобы в такой программе была столь полно и ярко представлена либеральная позиция (в описанных выше дебатах по результатам голосования аудитории либералы «выиграли» в соотношении 77,9 % к 22,1 % голосов).

Несмотря на то что в современной России наследие Каткова иногда применяется в шокирующей манере, его место в истории русской литературы требует трезвой и основатель-

ной переоценки. В настоящей работе при исследовании литературной деятельности Каткова предполагается избегать крайностей в оценках и эпитетов типа «мракобес» или «спаситель отечества», отдавая ему должное в соответствии с важностью его роли в литературном процессе, без очернения и без канонизации.

В первой главе прослеживается история интеллектуального и личного сближения между Катковым и критиком-новатором В. Г. Белинским в самом начале литературной деятельности Каткова, когда он входил в круг молодых русских мыслителей, пытавшихся применить положения немецкой идеалистической философии как в отношении искусства, так и в своей личной жизни. В большинстве работ, посвященных тесному сплетению философского и личного начал в России 1830-х годов, Катков упоминается редко или не упоминается вовсе, хотя он, по существу, имел самое прямое отношение к их взаимопроникновению. В главе показано, что, хотя в советской науке Белинский признавался крупнейшим литературным деятелем 1830-х годов, а Катков был предан забвению, по своей роли в литературе 1830-х годов они были близки и сопоставимы. Даже читатели, которым известно о взаимоотношениях Каткова с Тургеневым, Достоевским и Толстым, вероятно, будут удивлены, узнав подробности его тесных рабочих и личных отношений с Белинским, которого считают прародителем русской литературной критики.

Вторая глава посвящена имевшему весьма широкий резонанс спору между Катковым и писательницей и критиком Евгенией Тур летом и осенью 1860 года, вследствие которого она покинула должность редактора и прекратила сотрудничество с «Русским вестником». Эта полемика, в которой участвовали несколько писателей, в том числе Чернышевский, обернулась открытым и весьма острым обсуждением редакционной практики Каткова, дискуссией, сформировавшей его образ в общественном восприятии и выявившей основные особенности его поведения и черты характера, которые впоследствии серьезно осложнили его отношения с Тургеневым, Достоевским и Толстым.

В третьей главе основное внимание сосредоточено на том, какой отклик нашел дискурс «Русского вестника» в концепции романов Тургенева. В частности, ответ на вопрос: «Почему болгарин?», который задавали многие критики о главном герое романа «Накануне», связан, по крайней мере частично, с тем постоянным вниманием, которое в конце 1850-х годов в «Русском вестнике» уделялось тяжелому положению славян христианского вероисповедания, в особенности болгар, в Османской империи. Аналогичным образом концепция «Отцов и детей» шла в русле борьбы Каткова с молодыми радикалами, за которыми навсегда закрепился придуманный Тургеневым ярлык «нигилисты» – наименование, подкрепленное и популяризированное Катковым в его собственных сочинениях.

В главе четвертой прослеживается своего рода диалог между Катковым и Достоевским в их журналистской полемике 1861–1863 годов – диалог, предшествовавший длительным и продуктивным рабочим отношениям. В этой главе рассматриваются вопросы, по которым Катков и Достоевский расходились во мнениях, а также моменты внутреннего, фундаментального согласия, выявление которых может помочь понять, на какой основе строилось их плодотворное, хотя иногда и беспокойное партнерство.

Глава пятая посвящена знаменитым эпизодам вмешательства Каткова в художественную реализацию двух важнейших романов Достоевского: «Преступление и наказание» (1866) и «Бесы» (1871–1872). В главе пересматривается созданная в советскую эпоху историография этих конфликтных ситуаций и предпринимается попытка на основе более сбалансированного подхода воссоздать реальные действия Каткова и их подоплеку.

В главе шестой анализируются взаимоотношения Каткова с Толстым. Начиная с 1859 года Толстой опубликовал в «Русском вестнике» несколько произведений, в том числе в 1865 и 1866 годах – первые части «Войны и мира», время выхода в свет которых частично совпадает со временем публикации «Преступления и наказания» Достоевского. Легко увидеть, насколько «Война и мир» соответствует русской национальной программе Каткова: объемный, внушительный по размеру и размаху роман как будто специально создан для

развития национального «самосознания», к которому Катков призывал в своих первых статьях о Пушкине. Другое дело – роман «Анна Каренина» (1875–1877), который привел к резкому разрыву Толстого с Катковым. Достоевский спорил с Катковым из-за одной главы в «Бесах», не соответствовавшей программе последнего, а внимательное прочтение «Анны Карениной» показывает, что в этом случае многим из самых заветных планов и идеалов Каткова идеологически противоречит весь роман. Известно, что Катков отказался опубликовать восьмую, последнюю часть «Анны Карениной» и что Толстому пришлось прибегнуть к публикации ее отдельной брошюрой. В восьмой части романа драма Левина разыгрывается на фоне отправки российских добровольцев в Сербию для оказания поддержки сербам в их борьбе против турецкого господства (это добровольческое движение в конечном итоге привело к втягиванию России в войну с Турцией). Толстой через Левина и других «положительных» персонажей выражает свое неодобрение и осуждение этого движения, которое он изображает как пустую причуду праздных столичных кругов, совершенно не имеющую отношения к потребностям и желаниям русского народа. Однако это движение было дорого сердцу Каткова и являлось в то время одним из важнейших направлений его пропаганды. Неудивительно, что Катков отказался публиковать текст, в котором его идеологическая программа подвергалась прямым нападкам.

Менее очевидным в вопросе об отношении романа «Анна Каренина» к Каткову является тот факт, что восьмая часть представляет собой лишь наиболее явный и наглядный пример нападок на любимые проекты Каткова, который можно найти в тексте произведения. В главе шестой на основе рассмотрения статей в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» о железных дорогах, индустриализации, кредитных операциях, классическом образовании, образовании женщин, спиритизме и русском добровольческом движении в Сербии подробно показано, как трактовка этих вопросов, данная Толстым в романе «Анна Каренина», направлена против политики и программ Каткова. Атака на русское добровольческое движение в эпилоге не была внезапной и неожиданной вспышкой негативных чувств по отношению к одному из пропагандируемых Катковым проектов: это была лишь последняя из серии подобных атак, и она, несомненно, имела эффект последней капли, переполнившей чашу.

В главе седьмой Пушкинский праздник 1880 года, в котором сыграли выдающиеся роли Тургенев, Достоевский и Катков, описывается с точки зрения места этого события в жизни Каткова как своего рода черты, подводящей итог его литературной деятельности. Роман «Братья Карамазовы» – последнее важное литературное произведение, публиковавшееся в «Русском вестнике», – выходил частями во время Пушкинского праздника, и это было важным фактором в восприятии речи Достоевского о Пушкине. В частности, в

главе проводится сопоставительный анализ речей Тургенева и Достоевского, а также эссе Каткова о Пушкине 1880 года на фоне содержащей высокую оценку творчества поэта статьи немецкого критика Фарнхагена фон Энзе, переведенной и опубликованной Катковым еще в 1839 году.

В заключении рассматриваются роль и значение Каткова как редактора и мецената. Как автор статей и редакторских колонок Катков представил четкую программу для русской литературы, которая должна была подтвердить политическое и историческое значение русской нации, выраженной через ее язык. Как влиятельный и предприимчивый издатель он стремился публиковать произведения, которые должны были воплотить эту программу, поощрял и оплачивал их создание, и именно эти произведения признаны сегодня одними из величайших достижений русской литературы.

Настоящая работа представляет собой введение в круг вопросов, связанных с Катковым и его творчеством, в частности с той ролью, которую он сыграл в создании некоторых из наиболее значительных произведений русской литературы. Хотя данная книга не является биографией Каткова, в ней по необходимости будет представлен определенный объем биографической информации, проливающей свет на жизненный путь человека, который не настолько известен, насколько того требует его значимость. Главными текстовыми источниками, составляющими основу настоящей работы, являются публицистические статьи того времени, имеющие су-

щественное значение для контекста, в котором был задуман и реализован русский роман. Задача автора – как можно более беспристрастно описать человека, который вдохновлял неистовые страсти, пробуждая как положительные, так и отрицательные эмоции, и заложить основу для дальнейших исследований, которые более органично включают деятельность Каткова в изучение читательской аудитории, сериализации, печатной культуры и каноничности в контексте России XIX века. Цель данного исследования – изучить значение Каткова как литературного деятеля и человека, обеспечившего возможность создания великого русского романа второй половины XIX века²⁰.

²⁰ Отношения Каткова с А. И. Герценом, М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. С. Лесковым достойны дополнительного изучения, однако они выходят за рамки данного исследования. Описание отношения Каткова к Лескову см. в [Theimer Nepomnyashchy 1977].

Глава 1

Катков и Белинский. Любовь, дружба и «всемирно- исторический народ»

В некрологе, опубликованном в лондонской газете «Таймс» 2 августа 1887 года, через день после смерти Каткова от рака желудка, покойный был охарактеризован как «государственный деятель, исходивший из того, что Россия должна сохранить свое нынешнее величие и стать в глазах мира еще величественнее, национализировав различные составные части Империи»²¹. Большая часть некролога посвящена деятельности Каткова в сфере политической журналистики, в одном абзаце говорится о его программе реформы образования, однако нигде в тексте не упоминается ни о его литературной деятельности, ни о том, что он был редактором журнала, где были опубликованы величайшие произведения Тургенева, Достоевского и Толстого. Этот факт является не случайным упущением, а отражением того, в каком виде память о Каткове сохраняется в истории – в России и, как следствие, на Западе. Каткова действительно помнят как политического деятеля, а не как литератора. Однако вряд ли кто-

²¹ Death of M. Katkoff // The Times. 1887. Tuesday, August 2. P. 6.

либо мог бы предсказать такой исход, основываясь на знакомстве с деятельностью Каткова – двадцатилетнего молодого человека. По характеру своих интеллектуальных занятий и сочинений в 1838–1840 годах Катков больше всего похож на В. Г. Белинского (1811–1848), который стал первым крупным русским литературным критиком и теоретиком литературы. Поскольку в дальнейшем Белинский присоединился к радикальному с политической точки зрения лагерю русской литературы, в XX веке он был канонизирован советским литературоведением, в то время как ранние сочинения Каткова, в конечном итоге ставшего ярким консерватором и влиятельным защитником самодержавия, остались в неизвестности. Каким же образом Катков стал человеком, благодаря которому во второй половине XIX века был создан великий русский роман? Настоящая глава открывается рассмотрением вопросов, связанных с глубоко личным общением Каткова с Белинским и другими молодыми русскими мыслителями, пытавшимися применить немецкую идеалистическую философию не только к своему пониманию искусства, но и к повседневной жизни. Затем в главе исследуются во многом вдохновленные Гегелем теоретические принципы, которые заметны в ранних публицистических сочинениях и переводах Каткова.

Любовь и философия

В своей недавно опубликованной работе [Randolph 2007] Дж. Рэндолф исследует драмы межличностных отношений, сопровождавшие восприятие немецкой идеалистической философии в России в 1830-е и 1840-е годы, в особенности на примере семьи Бакуниных и отношений Белинского с ее членами. В этой связи автор пишет о свободном объединении студентов Московского университета, иногда называемом «кружком Станкевича» по фамилии одного из важных членов этого объединения – Н. В. Станкевича (1813–1840):

Эти харизматичные студенты не только проявляли опасную независимость, но и, казалось, не обращали внимания на общепринятые ограничения философской деятельности. На родине посткантианского идеализма, в Германии, это направление мысли практиковалось в общественных учреждениях, в частности в университетских аудиториях и в научных публикациях. Русские аналоги этого институционализированного идеализма существовали внутри Императорской академии; тем не менее самые известные и харизматические традиции, окружающие русский идеализм, вырабатывались в более интимном окружении.

Далее исследователь отмечает:

С одной стороны, этот культ философии в частной жизни, казалось, нарушал границы, которые многие считали надлежащими пределами абстрактного мышления, поскольку так глубоко втягивал его в сферу интимных отношений. С другой стороны, <...> в этой идеалистической привычке «проживать» философию было что-то пусть и комичное, но прогрессивное. Этот культ позволил своим приверженцам избавиться от подчинения религиозным и политическим догмам империи. Такая практика сделала их независимыми, «завершенными» и полностью «современными» (по выражению Герцена) людьми и подготовила их последующую самостоятельную роль в русской жизни [Randolph 2007: 12–13]²².

По словам одного из биографов Каткова, в то время «философские системы не только передумывались, но, так сказать, переживались» [Неведенский 1888: 2]²³. В [Randolph 2007] Катков не упоминается, однако он наряду с Белинским и Бакуниным был вовлечен в драмы межличностных отношений, что свидетельствует о его причастности к «культу философии в частной жизни», в атмосфере которого среди других основных течений русской мысли зарождалась рус-

²² Классическое исследование о таких личностях – [Berlin 1978]. Непревзойденными с точки зрения легкости восприятия и увлекательности чтения являются работы [Carr 1933] и [Carr 1937].

²³ О связи Каткова с кружком Станкевича см. [Неведенский 1888: 9–16].

ская теория литературы²⁴.

Письма Белинского конца 1830-х годов представляют собой документальное отражение его внутренней жизни и попыток объяснить эту жизнь с точки зрения своего собственного понимания философии Гегеля. Исследователи часто указывают на тот факт, что Белинский, происходивший из бедной семьи и не получивший систематического образования, недостаточно хорошо владел немецким языком, чтобы читать работы Гегеля в оригинале. В формировании своего понимания философии Гегеля он полагался на друзей, в частности на Бакунина, и, как он сам неоднократно отмечал, на Каткова. В этой связи Г. Боуман пишет:

Влияние кружка, члены которого проявляли живой интерес к философским работам, но не всегда могли оказать квалифицированную помощь в их изучении, ставило такого члена, как Белинский, в неловкое положение интеллектуальной зависимости. Эта интеллектуальная зависимость влекла за собой психологическую зависимость от более образованных друзей, и несовершенное образование Белинского усугубило его восприимчивость к этой зависимости. Тот факт, что столь значительная часть философских

²⁴ Большая часть собственной переписки Каткова утрачена, но в письме Белинского к Н. В. Станкевичу, датированном редакторами собрания сочинений 29 сентября – 8 октября 1839 года, упоминается визит Каткова в Прямухино – имение Бакунина, где разыгрывались душевные драмы с участием его сестер, подробно описанные в [Randolph 2007]. Письмо Белинского см. в [Белинский 1953–1959, 11: 392].

знаний Белинского пришла к нему из вторых рук, неизбежно должен был стать одним из основных источников эксцентричности и большого количества перекосов в его философских убеждениях [Bowman 1954]²⁵.

Вклад Каткова в понимание Белинским Гегеля относился по большей части к сфере эстетики, однако к 1837 году большое значение приобретает найденный Бакуниным способ применения философии Гегеля к искусству жизни. Об этом способе Дж. Рэндолф пишет:

Михаил [Бакунин] нашел идеал, благодаря которому он прославился в литературных кругах 1830-х – начала 1840-х годов: призыв примириться с реальностью и тем самым стать «настоящим мужчиной». Это был лозунг, который Бакунин с присущей ему легкостью перевел с технического немецкого на романтический русский язык, впервые выдвинув и себя, и Гегеля на передний план русской мысли [Randolph 2007: 235].

Четкое описание бакунинского «нового понимания реальности, основанного на известном изречении Гегеля из “Философии права” – “Все разумное действительно, все действительное разумно”» – дано в работе [Kelly 1982]²⁶. Как разъясняет автор, изречение Гегеля означало лишь то, «что в развитии всех вещей существует логический порядок, в кото-

²⁵ См. также [Backor 1966: 59–60].

²⁶ Альтернативная точка зрения представлена в [Kliger 2011].

ром все исторические формы и институты занимают свое необходимое место как последовательные выражения диалектического развития Абсолютного разума» [Kelly 1982: 47]. Однако Бакунин и другие ранние русские последователи философии Гегеля полагали, что это изречение означает необходимость принять существующее положение вещей; эта идея, которая в России обозначалась известным выражением «примирение с действительностью», позволяла русским мыслителям преодолеть свое отчуждение от «отвратительного окружающего мира» [Kelly 1982: 47]. В период своего ученичества у Бакунина Белинский искренне принимал необходимость «примирения с действительностью» – консервативную интерпретацию Гегеля, которой он придерживался до 1840 года.

Даже после того, как Белинский освободился от чар Бакунина, влияние «учителя» продолжает ощущаться в его переписке. Белинский писал как Бакунину, так и другим друзьям объемные письма, в которых тщательно анализировал свой жизненный опыт, сопоставляя его со своим пониманием «действительности» (слово, выбранное Бакуниным для передачи значения гегелевского *Wirklichkeit*). В наиболее важных письмах Белинского, касающихся Каткова, речь идет об их соперничестве в отношениях с актрисой А. М. Щепкиной (1816–1841), дочерью великого актера М. С. Щепкина (1788–1863), развернувшимся осенью 1838 и зимой 1839 года. Двдцатитрехлетняя Александра полюбила Каткова, в то

время двадцатиоднолетнего студента Московского университета. Белинский описывает их отношения следующим образом: «*Барышня* [так он постоянно называет Щепкину. – С. Ф.] любила другого, а этот другой любил ее, но вел себя так *действительно*, что она думала, что он ее не любит» [Белинский 1953–1959, 11: 391]²⁷. В этот момент романтический интерес к девушке проявляет и двадцативосьмилетний Белинский, старый друг ее семьи. Александра же, как далее пишет Белинский, «заклячая по моим дикостям, что я ее *обожаю*, решила полюбить меня, в той мысли, что если я женюсь на ней, то со мною, как с человеком благородным и любящим ее она может быть счастлива, сколько можно быть счастливою в браке без любви» [Белинский 1953–1959, 11: 391]. Однако Белинский с его сложным внутренним миром не может этого принять и дает следующее описание своего эмоционального состояния: «Когда она почти ясно выговорила мне, что любит меня, <...> я узнал, что такое ад и что такое истинное страдание, страдание без грусти, без всякой влажности, но с одним сухим, жгучим отчаянием» [Белинский 1953–1959, 11: 391].

Узнав об интересе Белинского, Катков вновь обратил внимание на Щепкину, и Белинский (с явным облегчением) ото-

²⁷ Из письма к Н. В. Станкевичу от 29 сентября – 8 октября 1839 года. В этом письме Белинского содержится наиболее подробное описание интриги. См. также [Литнаследство 1950: 90–91, 123–124]. Личные связи Каткова с Белинским подробно обсуждаются в [Woodburn 2001: 98–113]. См. также [Санькова 2008: 28–38, 53–61].

шел в сторону. В письме Станкевичу, написанном в сентябре – октябре 1839 года, после изложения сюжета интриги Белинский описывает ее развязку следующим образом:

Любовь его [Каткова. – С. Ф.] была – религиозный экстаз; *барышня* наша оказалась существом в объективном смысле прекрасным, страстное, и, под характером страсти, глубокое, но совсем не нашего мира, и мы оба увидели, что были дураки, грязеды. Он это узнал первый – сперва осердился на себя, ругал свое чувство на чем свет стоит, теперь смеется.

Далее Белинский выводит из этой истории мораль в бакунинском духе:

Ах, брат, что это за человек!.. Ты знал его каким-то эмбрионом. Он сердится на свое чувство и всю сию историю, но это перевернуло его, пробило его грубую массу лучами света, и теперь это прекрасный юноша. <...> Он еще дитя, но его детство обещает скорое и могучее мужество [Белинский 1953–1959, 11: 405].

По версии Белинского, любовь Каткова к Щепкиной была необходимым этапом в духовном развитии Каткова как мужчины. Последние слова Белинского о ней написаны три года спустя, по случаю ее смерти, в письме самому Каткову: «В Москве я попал на похороны – Александры Михайловны Щепкиной. Бедная – ей так хотелось жить, так не хотелось умирать; а умерла!» [Белинский 1953–1959, 12: 95]²⁸.

²⁸ Письмо М. Н. Каткову и А. П. Ефремову, 6 апреля 1842 года. Из имеющихся

источников неясно, почему Катков порвал со Щепкиной, но вполне вероятно, что бедность не позволяла ему в то время рассматривать возможность женитьбы. Вероятно, именно о Щепкиной идет речь в следующем отрывке из опубликованных в 1911 году мемуаров А. И. Соколовой, которая в 1860-е годы работала театральным критиком в газете Каткова «Московские ведомости»: «Нравственности Катков был безупречной, почти небывалой, и всем, близко его знавшим, хорошо известно, как в эпоху его ранней молодости, когда он еще был совершенно неимущим студентом, он долгое время прожил душа в душу с молодой девушкой, близкой родственницей одного из наших мировых артистов, – прожил в одной с нею комнате и, обожая ее, сумел сохранить с нею чистые, братские отношения. Жениться на ней он не мог, потому что был совершенно бедный человек без всякой определенной будущности впереди, а злоупотребить ее любовью и доверием и сделать из нее свою любовницу он не хотел» [Соколова 1911: 840]. Автору настоящей работы не удалось найти никаких подтверждений тому, что Катков жил в одной комнате со Щепкиной, однако данное Соколовой объяснение конца их романа представляется вполне вероятным. С другой стороны, из письма Белинского Боткину от 16–21 апреля 1840 года следует, что отношения были разорваны по инициативе Щепкиной. Белинский пишет, что Катков «вымещал» на ней «досаду оскорбленного самолюбия» [Белинский 1953–1959, 11: 513]. Сообщив в письме о смерти Щепкиной, Белинский сразу же делает выпад против Каткова, который якобы оставил Гегеля ради Шеллинга. Катков саркастически отозвался о письме Белинского в своем письме редактору А. А. Краевскому от 29 июня 1842 года: «Маленькое и очень маленькое рассужденье на тему: все люди – смертны, мы – люди, ergo мы смертны» [Неведенский 1888: 91].

«Пятидесятилетний дядюшка»

Белинский описывал эпизод со Щепкиной не только в своих письмах. В ноябре 1838 года, когда роман еще продолжался, Белинский использовал его в качестве материала для одного из своих немногочисленных художественных произведений – пьесы «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», написанной для исполнения на бенефисе М. С. Щепкина 27 января 1839 года в Москве. В своем письме к Станкевичу, датированном сентябрем – октябрем 1839 года, где описываются его отношения со Щепкиной, Белинский называет реальную драму человеческих отношений «трагикомедией с водевильными куплетами». В пьесе, которая более или менее успешно сочетает в себе элементы трагедии и комедии, треугольник Белинский – Щепкина – Катков представлен через персонажей Николая Матвеевича Горского, Лизаньки Думской и Владимира Дмитриевича Мальского. Горский – «дядюшка» по названию пьесы – опекун осиротевших сестер Лизаньки и Катеньки. Показательно, что двадцативосьмилетний Белинский изображает себя пятидесятилетним, причем не женихом, а, скорее, кем-то вроде отца. Лизанька, тихая и задумчивая, чертами характера напоминает пушкинскую Татьяну (из «Евгения Онегина»), а Катенька, легкомысленная и веселая, представляет собой аналог пушкинской Ольги. В образе Мальского, студента Московского

университета, «племянника и воспитанника» Горского, «отражены черты почти портретно зарисованного М. Н. Каткова» [Литнаследство 1950: 91]²⁹. В первой постановке пьесы, которая состоялась на бенефисе М. С. Щепкина, Александра Щепкина сыграла роль Лизаньки Думской – героини, прототипом которой была она сама.

Сюжет пьесы Белинского прост: Лизанька, Катенька и Мальский выросли в доме Горского, и в семье решено, что Катенька должна выйти замуж за Мальского. Однако по ходу пьесы выясняется, что легкомысленная Катенька сама не понимает, кого она любит, а Мальский начинает осознавать, что его настоящая любовь – Лизанька. Между тем Горский – дядя Мальского и опекун Катеньки и Лизаньки – охвачен страстью к Лизаньке. Он признается ей в любви, и это признание поначалу приводит ее в ужас. Однако придя к выводу, что к Мальскому, которого она любит, равнодушна также Катенька, она решает, что лучшая судьба для нее – выйти замуж без любви за своего доброго опекуна. Вмешательство

²⁹ В другом драматическом произведении – трилогии Тома Стоппарда «Берег утопии» (2002), герои которой связаны с деятельностью кружков Станкевича и Герцена – Огарева, – Катков является внесценическим персонажем. В первой части трилогии – пьесе «Путешествие» – он упоминается как один из тех, кто предоставил Белинскому средства для оздоровительной поездки на Кавказ в феврале 1837 года. В третьей части – пьесе «Выброшенные на берег» – в сцене, действие которой происходит в мае 1859 года, Тургенев сообщает Герцену, что планирует опубликовать свой новый роман в журнале Каткова. Герцен отвечает: «Все подумают, что ты присоединился к лагерю реакционеров» [Stoppard 2007: 102, 297; Стоппард 2007: 402].

уездной сплетницы и ее сына создает небольшие осложнения, однако в конце концов Катенька и Мальский дают друг другу понять, что не влюблены друг в друга (в нужный момент у Катеньки появляется еще один жених), а Горский, услышав, как Мальский разговаривает сам с собой о своей любви к Лизаньке, великодушно отходит в сторону, чтобы Мальский и Лизанька могли быть вместе.

Пьеса представляет собой документ, содержащий интересные сведения об отношении Белинского к самому себе и к Каткову в то время, когда исход их собственной реальной драмы взаимоотношений еще не был определен. Разница в возрасте между ними преувеличена, а сценический двойник Каткова изображен красивым, энергичным и (в отличие от реального Каткова) богатым молодым человеком. Показательна реплика Горского: «Этот молодчик с своей смазливой рожицей хочет терзать меня <...> мучить...» [Белинский 1953–1959, 3: 557]. Его собственная внешность, напротив, кажется ему совсем не привлекательной. Глядя в зеркало, он говорит: «Что там такое – дай посмотрю... Ба! Да это я – что за молодец, чорт возьми!.. (*Бьет себя по голове*). Это что? – лысина... (*Бьет себя по животу*). А это? – толстое, пятидесятилетнее брюхо!.. Ну, чем не любовник, чем не жених!» [Белинский 1953–1959, 3: 559].

Подобно русским драматургам XVIII века, Белинский дает своим персонажам говорящие имена. Фамилия *Горский*, возможно, происходит от слова «гора», но также вызывает

ассоциации со словами «горе» и «горький». Фамилия *Думская* ассоциируется с думой, размышлением. Наиболее показательно то, что фамилия сценического двойника Каткова – *Мальский* – происходит от корня слова «маленький» и включает в себя первый слог слова «мальчик». Это созвучно отношению Белинского к Каткову, которое он выражает в своих письмах, постоянно упоминая молодость и незрелость Каткова и часто называя его «юношей». Годом позже, осенью 1839 года, Белинский так опишет свои чувства при виде того, с какой любовью общаются друг с другом Катков и Щепкина: «Я не мог видеть беспокойства и тревоги, с какими она поджидала своего юношу [Каткова. – С. Ф.], как, *почувствовав* его приход, она выбегала из комнаты, чтобы скрыть свое волнение, как потом они говорили друг с другом с лицами, сияющими блаженством» [Белинский 1953–1959, 11: 398]. Нечто подобное переживает и Горский: «Кто мог это предвидеть?.. Нет, лучше – кто мог не видеть этого!.. Она любила его давно, да скрывала... Он тоже любил ее давно уж – прежде чем узнал об этом... Сердца не обманешь – у него тысячи глаз... тысячи ушей – оно все видит, все слышит» [Белинский 1953–1959, 3: 581].

Описание Мальского, данное в пьесе, также воспроизводит двойственное отношение к Каткову, которое Белинский проявляет в своих письмах. Наряду с внешней привлекательностью Мальского неоднократно отмечаются его гордость и напыщенность, а Катенька, кроме того, обвиняет его в «неот-

кровенности и скрытности» [Белинский 1953–1959, 3: 588]. Еще до того, как соперничество из-за Лизаньки получит полное развитие, враждебность Горского к «племяннику и подопечному» вспыхивает в его знаменательной реплике, обращенной к Мальскому:

Ты знаешь только вместе гулять, рвать цветы... для дядюшки... читать с ними [девушками. – С. Ф.] Пушкина... фантазировать, мечтать... заноситься за облака... красно рассуждать о любви... по профессорским лекциям... Ты человек ученый... говорить умеешь... тебя слушаешься... Ты мастер любезничать и подслуживаться... а там, как дойдет до беды... тебе хоть трава не расти... чорт бы тебя взял... мечтатель проклятый... философ недопеченный... поэт доморощенный!.. [Белинский 1953–1959, 3: 533].

Далее по ходу пьесы эта враждебность разгорается еще сильнее, без повода со стороны Мальского. Охваченный ревностью, Горский кричит: «Ты, ты противен мне, отвратителен... Я ненавижу тебя!.. Будь ты прав... благороден... чист...» [Белинский 1953–1959, 3: 558]. И даже признавая достоинства Мальского, Горский не может избежать оттенка иронии и сарказма: «Прекрасный молодой человек – умный, образованный, чувствительный – словом, настоящий герой романа...» [Белинский 1953–1959, 3: 584].

Пьеса Белинского не представляет большой ценности; по словам друга Белинского В. П. Боткина, в ней «есть недур-

ные сцены для театра, но произведение не художественное» [Литнаследство 1950: 118]³⁰. Самые сильные моменты пьесы – те, где переданы мучительная страсть Горского к Лизаньке, его ненависть как к себе, так и к своему сопернику и его мрачное смирение с печальной старостью. В пьесе Белинский дарует Мальскому и Лизаньке благоприятную развязку интриги и счастье в любви, в чем было отказано Каткову и Щепкиной в реальной жизни, и с точностью изображает охватившее его самого отчаяние и чувство тщетности собственной жизни. Однако нельзя отрицать, что как художник Белинский не смог выразить ту степень страсти и странности ощущений, которая проявляется в его письмах. Одно из них, написанное в феврале 1839 года, когда история соперничества уже близилась к финалу, по силе выражения чувств к Каткову и сложности самоистязания намного превосходит «Пятидесятилетнего дядюшку»:

Действительно, перед ним я нисколько не виноват, а если виноват, то перед самим собою; но и перед самим собою меня совершенно оправдывает разум, и оправдывает свободно, без всяких натяжек. Но я глубоко понял слова Вердера – разум оправдывает, а любовь все-таки производит сознание вины. И в этом смысле глубоко чувствую я мои вины перед Катковым, и уже не раз мысленно лежал я, рыдая, у ног его, и как раб вымаливал себе его прощение, не

³⁰ Слова Боткина переданы в письме И. В. Станкевича Н. В. Станкевичу, написанном в конце ноября 1838 года.

почитая себя достойным взглянуть на него... Я был перед ним пошл, низок, подл, гадок; темно чувствуя его превосходство над собою, я находил мою защиту от его могущества, неотразимо преследовавшего меня, в гнилых, онанистических построениях. Я сам не понимал почему, но он беспокоил меня, он был мне страшен, и я готов был спастись от его благородной непосредственности куда ни попало, хотя бы в нужник или под подол первой попавшейся бабы, чтобы оттуда подразнить его языком, зная, что он слишком свят и благороден, чтобы преследовать меня в таком гнусном убежище [Белинский 1953–1959, 11: 358]³¹.

Отношение Белинского к Каткову представляет собой смесь влечения, преувеличенного восхищения, зависти и страха.

³¹ Письмо В. П. Боткину, Москва, 10–16 февраля 1839 года. Карл Вердер (1806–1893) – профессор Берлинского университета, который водил дружбу с обучавшимися там студентами из России.

«Юноша» и «Скопец»

Та же самая сложная смесь чувств проявляется и в другой драме межличностных отношений, в которой Белинский и Катков участвовали вскоре после истории со Щепкиной. Зимой 1839–1840 года в Москве циркулировал исходивший, по-видимому, от Бакунина слух о том, что у Каткова был роман с Марией Львовной Огаревой, женой Н. П. Огарева (1813–1877), друга и близкого сподвижника А. И. Герцена. По-видимому, наиболее подробный пересказ этого слуха был сделан Елизаветой Васильевной Салиас-де-Турнемир (1815–1892, литературный псевдоним Евгения Тур), которая в конце 1840-х годов находилась в романтических отношениях с Огаревым, консервативному мемуаристу Е. М. Феоктистову (1829–1898). Феоктистов пишет:

Графиня Салиас рассказывала мне по этому поводу следующее: вскоре после женитьбы Огарева между его женой, светскою, молодою, любившею развлечения, и приятелями ее мужа начался разлад, усиливавшийся с каждым днем. <...> Из всех лиц, посещавших ее мужа, она высоко ценила только Каткова, который страстно влюбился в нее. Однажды известный М. Бакунин вошел в кабинет m-me Огаревой и увидел, что Катков сидит на скамейке у ее ног, положив голову на ее колени; он быстро ретировался, но не замедлил рассказать о сцене, которой пришлось ему быть свидетелем.

Друзья Николая Платоновича сильно возмутились, хотя с точки зрения их теорий не следовало бы им, кажется, обнаруживать большую строгость в этом случае; проповедь Жорж Занд приводила их в восторг [Феоктистов 1929: 84–85]³².

По мнению большинства исследователей, негодование Огарева и его друзей было направлено в основном на Бакунина за распространение слухов, а не на Каткова за роман с замужней женщиной. В частности, Белинский, который на тот момент отдалился от Бакунина, включился в конфликт как активный сторонник Каткова и предоставил свою квартиру в качестве места для физического столкновения Бакунина и Каткова. Это столкновение описано в письме Белинского, которое впоследствии оказало чрезмерное влияние на интерпретацию сексуальности Бакунина в исторических исследованиях.

Первоначальная реакция Белинского на слухи о Каткове и Огаревой, отраженная в письме, написанном в декабре 1839 – феврале 1840 года, была не в пользу Каткова. Белинский пишет, что, по его мнению, этот случай «набрасы-

³² Феоктистов стал близким сподвижником Каткова и писал статьи как для «Русского вестника», так и для «Московских ведомостей». Различные версии романа Каткова с Огаревой можно найти в [Сагг 1937: 81, 86–87; Корнилов 1915, 1: 677–679] и в комментарии к [Бакунин 1934–1935, 2: 481–485]. См. также [Неведенский 1888: 59–62; Васков 1966: 79–90]. В [Paperno 1988: 42–44, 60–65] проанализированы любовные связи в кружке Герцена – Огарева и вокруг него, однако история с Катковым в обзор не включена.

вает какой-то неприятный свет» на Каткова, высокий уровень духовного развития которого должен был удерживать его от соблазна «одной минуты чувственного упоения». Поступок Каткова оскорбляет мужа – «благородного человека, доверчивого не по слабости, а по благородству души». В то же время Белинский завидует способности Каткова полностью отдаваться чувствам:

И со всем тем <...> я завидую ему – да, я завидую, мучительно завидую этой дурацкой способности предаться вполне, без рефлексии, хотя бы и пошлomu чувству. Отчего же я никогда не мог предаться весь и вполне никакому чувству, хотя последняя из моих глупостей была разумнее и человечнее теперешней *юноши* [то есть Каткова. – С. Ф.] [Белинский 1953–1959, 11: 424]³³.

Однако к июню 1840 года Белинский вступил в конфликт на стороне Каткова, о чем свидетельствует письмо, написанное в августе, то есть через два месяца после этого события, и адресованное также В. П. Боткину.

Катков, по-видимому, до этого был довольно дружен с Бакуниным и даже встал на его сторону в его конфликте с Белинским зимой 1838–1839 годов, в период своего соперничества с Белинским из-за Щепкиной. В одном из своих писем того времени, написанном Бакунину в январе 1839 года,

³³ Письмо от 16 декабря 1839 – 10 февраля 1840 года к В. П. Боткину, Санкт-Петербург.

Катков, по-видимому, пускается в рассуждения о «действительности» в рамках общего бакунинско-гегелевского дискурса:

Не может быть ничего выше и сладостнее того чувства, когда начинаешь себя сознавать законным гражданином в царстве духа, когда начинаешь глубоко уважать свое я, не прежнее, непосредственное, естественное, которое побеждено (но крайней мере в те минуты), но просветленное, духовное, конкретную форму общей жизни. <...> Главная ошибка всех нас состояла в том, что мы слишком много заботились об отношениях: они должны свободно выходить из личности человека и почитаться действительными по мере действительности этой личности [Корнилов 1915: 491].

Однако в июне 1840 года Катков, разгневанный слухами, распространяемыми Бакуниным о его отношениях с Марией Огаревой, узнал о прибытии Бакунина в Санкт-Петербург, откуда тот должен был отправиться в Германию, и решил устроить Бакунину засаду в петербургской квартире Белинского.

Как отмечает редактор писем Бакунина, Белинский

...сыграл в этом инциденте роль если не подстрекателя, то активного пособника враждебной Бакунину стороны. На второй же день после своего приезда в Петербург, т. е. вероятно 27 июня, Бакунин пошел попрощаться к Белинскому, где для него было

приготовлено нечто вроде ловушки [Бакунин 1934–1935, 2: 482].

В кабинете Белинского Бакунин неожиданно встретился с Катковым. По словам Белинского, Катков обвинил Бакунина во вмешательстве в свои личные дела и вызвал его на дуэль.

Бакунин, как внезапно опаленный огнем небесным, попятился назад и задом вошел в спальню и сел на диван, говоря с изменившимся лицом и голосом и с притворным равнодушием: «Фактецов, фактецов, я желал бы фактецов, милостивый государь!» – «Какие тут факты, вы продавали меня по мелочи, вы – подлец, сударь!» Б<акунин> вскочил: «Сам ты – подлец!» – «*Скопец!*» Это подействовало на него сильнее подлеца: он вздрогнул, как от электрического удара [Белинский 1953–1959, 11: 542]³⁴.

Завязалась драка, в которой, по словам Белинского, Катков взял верх, дважды ударив Бакунина по лицу. Сцена закончилась прозрачным намеком Каткова на то, что Бакунин обязан драться с ним на дуэли.

Описывая инцидент в письме к Боткину, Белинский выражает двойственное отношение к той роли, которую он сыграл

³⁴ Письмо от 12–16 августа 1840 года к В. П. Боткину, Санкт-Петербург. И Катков, и Бакунин собирались отправиться в Германию и согласились на дуэль в Берлине. Однако дуэль так и не состоялась. Белинский обвинял Бакунина в трусости, но никаких документов, свидетельствующих о том, что на самом деле послужило причиной отмены дуэли, по-видимому, не существует. См. [Белинский 1953–1959, 11: 557].

в сложившейся ситуации. Белинский чувствовал жалость к Бакунину, которая была «для него оскорбительнее всякой обиды», и досаду оттого, что Бакунин «подвергся позорным побоям», будучи гостем в его доме. О своих чувствах по отношению к Каткову он писал: «Мне было за него досадно, что он мою квартиру избрал театром <такого> рода объяснения, а между тем я в то же время чувствовал, что есть такие положения в жизни, когда только одни филистеры думают о приличиях и отношениях» [Белинский 1953–1959, 11: 542]. При чтении пассажа, которым Белинский завершает свой рассказ, вспоминается смесь сексуальной ревности и сексуального преклонения перед Катковым, которую он проявил в истории со Щепкиной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.